

Что это, черт возьми, за никнейм?! Вот просто скажи мне, что это за ник?!

Уйти из индустрии прямо сейчас было невозможно, так что приходилось работать дальше.

На следующее утро предстояли съемки в павильоне. Лу Шицина подняли ни свет ни заря, в начале шестого, чтобы успеть наложить грим и сделать прическу. Парень буквально засыпал на ходу, силясь удержать веки открытыми, и пришел в себя только после того, как залпом осушил две чашки крепкого кофе.

Чжоу Фу сидел рядом, стараясь развлечь его разговорами. Заметив, как уныло тот уставился в одну точку, менеджер спросил:

— Не хочешь еще раз повторить реплики?

Шицин отреагировал с заметным опозданием. Сонно моргнув, он протянул Чжоу Фу сценарий на сегодняшний день.

Тот заглянул в текст.

Ну надо же — на весь съемочный день у него была ровно одна реплика.

По сюжету дух меча провел в заточении слишком много веков. Он толком не умел ходить, не говоря уже о том, чтобы членораздельно изъясняться. И хотя Шицин должен был присутствовать в кадре с утра до вечера, по большей части ему отводилась роль молчаливого спутника главной героини — попросту говоря, мебели.

Чжоу Фу мысленно возмущался.

«Господин Се тоже хорош. Дать актеру с таким талантом какую-то второсортную эпизодическую роль... Это же чистой воды расточительство!»

Закончив с гримом, Лу Шицин поехал на съемочную площадку. Персонал поднялся еще раньше: в павильоне уже выстроили новые декорации. Режиссер Чжао, громко и не стесняясь в выражениях, как раз распекал операторов, требуя быстрее выставить камеры. Но стоило ему заметить приближающегося Шицина, как раздражение с его лица мгновенно испарилось.

— О, Сяо Лу пришел! — расплылся он в улыбке.

Шицин лишь молча кивнул в ответ.

Юноша держался отстраненно и высокомерно, но режиссер Чжао, успевший изучить его непростой характер, ничуть не обиделся. Он подозвал Цзян Ванчжи и заговорил с ними непривычно мягким, отеческим тоном:

— Сяо Лу, сегодня твоя задача предельно проста: делай все то же самое, что и Ванчжи. Просто ходи за ней хвостиком.

Судя по раскадровке, весь день главной героине предстояло хлопотать и суетиться, а дух меча должен был просто тенью следовать за ней. Никаких важных сцен, ни одного крупного плана.

Самая настоящая лафа, а не съемки. Шицин добросовестно изучил сценарий и серьезно кивнул.

Цзян Ванчжи мягко улыбнулась, стараясь держаться как опытная наставница, но в душе у нее снова что-то екнуло.

«Ох, не к добру это... Эта неприступная ледяная роза со своей серьезностью выглядит чертовски мило».

Сериал «Девятикратное предание» представлял собой масштабное фэнтези о сильной героине. Сюжет изобилует яркими второстепенными персонажами, ради которых привлекли чуть ли не половину шоу-бизнеса.

Первая сцена снималась в гостиной: раненая главная героиня принимала у себя соратников.

Цзян Ванчжи была бледна от грима. Накинув на плечи свободное домашнее ханьфу, она полулежала в кресле.

Несколько актеров второго плана сгрудились вокруг нее, бурно обсуждая, кто мог подставить Цинь Шу, обвинив ее в сговоре с демонами.

Раздался щелчок хлопушки. Цзян Ванчжи мгновенно вошла в образ и слабо, натужно закашлялась:

—... В ущелье испытаний я встретила лишь одного темного заклинателя. Мы и словом не обменялись, о каком предательстве может идти речь?

Но стоило ей договорить, как следующий по очереди актер осекся на полуслове — глаза Ванчжи вдруг округлились от удивления.

— Стоп, стоп, стоп! — прервал сцену режиссер Чжао. — Ванчжи, ты что, призрака увидела? Почему такое лицо?

Актриса растерялась, не зная, как объяснить. Она беспомощно перевела взгляд на Лу Шицина, сидевшего у ее ног:

— Да нет... Просто он... он...

«Он опять тычет пальцем в мою руку! В сценарии этого не было!»

Шицин непонимающе посмотрел на нее.

На духе меча было то же белоснежное одеяние, только уже чистое, без следов бутафорской крови. Длинные черные волосы шелковыми прядями рассыпались по полу среди пышных складок подола, напоминая лепестки распустившегося ночного цветка.

Юноша тихо, словно ласковый кот, устроился на полу и своими прохладными пальцами с детским любопытством трогал свисавшую с подлокотника руку актрисы.

Цзян Ванчжи неловко кашлянула и подала режиссеру знак, что готова продолжать.

Хлопушка щелкнула во второй раз.

Дух меча — по сути своей холодное оружие, и для него нет ничего более притягательного, чем рука хозяина, веками сжимавшая рукоять.

Пока героиня обсуждала с соратниками поиски шпиона, Шицин, начисто позабыв о приличиях, сидел на холодном полу в самой расслабленной позе, практически прислонившись спиной к коленям Ванчжи.

Он ничего не понимал из их разговоров и не умел говорить, а потому от нечего делать перебирал тонкие пальцы девушки.

Ванчжи уверенно произносила свои реплики. Пока говорил ее партнер по сцене, она лениво опустила взгляд и, перехватив инициативу, легонько, словно лаская котенка, почесала Шицина под подбородком.

Глаза юноши довольно блеснули. Он зажмурился и слегка вытянул стройную шею, подставляясь под ладонь партнерши.

Режиссер Чжао, собиравшийся сделать глоток воды, едва не поперхнулся.

— Кхе-кхе-кхе!

Помощник режиссера, решив, что шеф недоволен, уже потянулся к рупору, чтобы остановить съемку, но Чжао резко схватил его за руку. Глаза его горели восторгом.

Ванчжи не зря считалась одной из самых талантливых актрис своего поколения среди звезд первой величины. Её безмолвное взаимодействие с Шицином выглядело настолько органичным и живым, что хотелось аплодировать стоя.

Помощник режиссера взгляделся в экран монитора:

— Снять их крупным планом?

Режиссер покачал головой:

— Нет, крупный план все испортит. Будет выглядеть слишком наигранно.

Такие тонкие детали не нуждались в акцентах. Камера должна была по-прежнему держать общий план, фокусируясь на обсуждении заговора. Зрители не любят, когда романтические намеки суют им прямо под нос; куда приятнее находить и собирать эти крошечные крупички нежности самостоятельно.

Наблюдая за едва заметной игрой актеров на мониторе, Чжао волновался все сильнее.

Лу Шицин филигранно разобрал образ своего персонажа: его характер, привычки, мотивы — все было выверено до мельчайших нюансов. Приправив роль собственным уникальным видением, он создал шедевр. Даже такой опытный режиссер, повидавший на своем веку немало хитов, не мог сдержать восхищения.

Внутреннее чутье подсказывало ему: этот молчаливый дух меча, которому автор оригинального романа уделил от силы пару абзацев, в исполнении Шицина обретет настоящую жизнь и покориет сердца зрителей.

Цзян Ванчжи поначалу опасалась, что ее импровизация покажется неуместной, однако сцена была снята с первого же дубля, а режиссер осыпал ее похвалами. Будучи лучшей выпускницей академии кинематографии, она мгновенно уловила правила этой игры.

В следующей сцене, когда Шицин шутки ради принялся покусывать вышитый на ее рукаве узор, Ванчжи, не прерывая монолога, небрежно взяла со стола тарелку с угощениями и сунула ему в рот сладкое пирожное.

Шицин ни на секунду не вышел из образа, ведя себя в точности как преданный домашний зверь. Пусть весь его словарный запас на сегодня ограничивался парой нечленораздельных звуков вроде «м-м» и «а», он без усталости трудился до самого вечера.

Режиссер Чжао светился от счастья, отсматривая материал.

Персонаж Лу Шицина постоянно крутился рядом с главной героиней. Судя по сценарию, первый сольный план у него намечался только на следующей неделе, но юноша ничуть не расстраивался — процесс захватил его целиком.

Во время съемок очередного эпизода, где героиня ласково трепала духа по волосам, один из актеров второго плана решил проявить инициативу. Понадеявшись урвать драгоценные

секунды экранного времени, он тоже протянул руку.

Однако стоило чужаку приблизиться к Шицину, который до этого послушно сносил любые прикосновения Ванчжи, как взгляд юноши мгновенно стал диким и свирепым. С грозным рычанием он попытался вцепиться зубами в протянутую ладонь.

Актер опешил.

К счастью, он успел вовремя отдернуть руку, иначе точно остался бы без пальца.

Ванчжи краем глаза заметила это происшествие, но среагировала мгновенно. Повернувшись, она с деланным недоумением спросила:

— Что произошло?

Шицин тут же обиженно надулся. Спрятавшись за спину актрисы, он крепко обнял ее за руку и затаил, продолжая метать грозные молнии в сторону своего несостоявшегося обидчика.

Второстепенный актер лишился дара речи.

Режиссер Чжао за кадром едва сдерживал громогласный хохот.

Съемки этих легких, ненавязчивых сцен продолжались около четырех дней. В субботу зарядил проливной дождь, подарив Шицину долгожданный выходной. Впрочем, выходить на улицу он не планировал — устроившись поудобнее на мягком диване, он увлеченно стучал пальцами по экрану телефона.

Раздался тихий сигнал уведомления.

Сестрица-администратор официального фан-клуба Жун Сюя прислала ему десяток свежих фотографий, сопровождая их восторженными криками:

****[Сестрица-администратор: Учитель Цзюэ! Учитель Цзюэ, я видела Жун Сюя вживую! А-а-а! Мне даже удалось подсмотреть за съемками сцены, его игра — это просто нечто потрясающее!]****

Шицин открыл присланные файлы.

Промо-фотографии к этой исторической драме времен Китайской Республики опубликовали еще несколько месяцев назад. Жун Сюй играл там сложную роль двойного агента, разрывавшегося между долгом перед родиной и смертельно опасной конспирацией.

Хоть администратор и снимала на обычную камеру телефона, кадры получились невероятно живыми.

Жун Сюй стоял посреди полуразрушенной, окутанной дымом улицы в длинном черном пальто. Почувствовав на себе объектив, он слегка приподнял шляпу и обернулся. Очки в тонкой золотой оправе придавали его облику ауру опасного, утонченного мерзавца, однако взгляд этих темных глаз оставался скорбным и глубоким. Даже по одному этому снимку становилось ясно: его персонаж обладает невероятно мощной, подавляющей энергетикой.

Шицин с абсолютно бесстрастным лицом сохранил все фотографии одну за другой.

[Сестрица-администратор: А-а-а, Учитель Цзюэ! Жун Сюй подошел к нам! Я попробую выпросить для вас именной автограф!]

[Учитель Цзюэ: Не стоит утруждаться.]

[Сестрица-администратор: О-о-о-о!]

Девушка умчалась дальше изливать свой восторг в чатах.

Для этого визита на съемочную площадку фанаты подготовили щедрые угощения: изысканные пирожные, закуски и дорогой кофе. Некоторые деликатесы доставили из элитных ресторанов Яньчэна, где столики бронируют за недели — верный признак того, что кто-то из богатых поклонников снова не пожалел денег ради своего кумира.

Сестрица-администратор, сгорая от нетерпения, ждала появления актера в специально отведенном для гостей помещении.

Вскоре к ним спустился Жун Сюй, даже не успев сменить исторический костюм.

Несколько десятков собравшихся фанаток восторженно замахали флажками, хором выкликая его имя.

Жун Сюй с мягкой улыбкой принялся раздавать автографы и общаться с публикой.

Сестрица-администратор без устали щелкала затвором камеры. Наблюдая, как дружелюбно актер беседует с поклонницами, она неловко кашлянула и достала подготовленную открытку, решив во что бы то ни стало добыть именной автограф для Учителя Цзюэ.

Жун Сюй вел себя непринужденно, расписываясь на открытках и попутно переговариваясь с девушками:

— Прodelать такой путь... Вы, должно быть, очень устали. Возвращайтесь пораньше и будьте осторожны в дороге. Да, к концу месяца мы планируем полностью завершить съемки. В этот раз вы слишком сильно потратились, в следующий раз не нужно устраивать ничего подобного.

Сестрица-администратор поспешно вклинилась в разговор:

— Все эти угощения оплатил один наш очень щедрый спонсор... Кхм, сегодня у него возникли неотложные дела, поэтому он не смог приехать лично. Господин Жун, не могли бы вы оставить для него именной автограф?

Жун Сюй удивленно приподнял бровь:

— Щедрый спонсор?

Стоявшие рядом девушки согласно закивали головами:

— Да-да! Учитель Цзюэ у нас невероятно богат. В начале года он единолично оплатил огромный светодиодный экран на Центральном небоскребе Яньчэна в честь вашего дня рождения, да еще и выкупил все рекламные площади на первой ветке метро под праздничные баннеры!

— Без проблем, — улыбнулся Жун Сюй.

Забрав у сестрицы-администратора открытку, он размашистым, каллиграфическим почерком вывел аккуратное «То» и поднял взгляд:

— Какой никнейм указать? Так и написать — «Учитель Цзюэ»?

После этих слов оживленный гул в комнате мгновенно стих.

Девушки растерянно переглянулись. На их лицах отразилась целая гамма сложных эмоций, безмолвно вещавшая: «Если ты молчишь, то и я ни слова не скажу».

Кончик маркера замер над бумагой. Не дождавшись ответа, Жун Сюй решил, что его просто не расслышали, и с вежливым недоумением переспросил:

— М-м?

Сестрица-администратор смущенно кашлянула и, пряча пунцовые щеки, пробормотала:

— Напишите...

Остальные фанатки дружно уставились в потолок, готовые сквозь землю провалиться от неловкости.

— Напишите: «Отказываюсь целоваться с Жун Сюем взадос».

Жун Сюй:

—...

<http://bllate.org/book/18347/1764292>